

1. Прыводзіцца фактычны матэрыял картатэкі лінгвістычнай лабараторыі кафедры беларускай мовы УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны» з указаннем лакалізацыі (населеных пунктаў Гомельскай вобласці) і захаваннем фанетычных і граматычных адметнасцей мясцовага вымаўлення.
2. Янкова, Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны / Т. С. Янкова. – Мн. : Навука і тэхніка, 1982. – 432 с.
3. Фурсова, Е.Ф. Календарныя обряды / Е. Ф. Фурсова [Электронны ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/library/fursova/calendar.html>. – Дата доступа: 20.01.2013.

УДК 811.161.1:[81'37:94]:81'367.625

Е. И. Холявко

Любитъ любого: о глубинной семантике древнего корня

Статья содержит этимологический комментарий корня *люб-. Семантическая реконструкция выполнена с привлечением фактов философии, культурологии и психологии. Концептуальное наполнение глагола *любитъ* определяется его этимологией, глубинной семантикой базового корня. Любовь основана на свободе выбора, она формируется как способность и потребность отношений принятия себя, другого и мира.

Нет убедительности в поношениях
и нет истины, где нет любви
А. С. Пушкин

«Любовь» можно назвать высшей ценностью, отражающей взаимоотношения между человеком и человеком, между человеком и миром, между человеком и Богом. Проблема развития абстрактных номинаций, выражающих это понятие, рассматривается в научных трудах А. В. Бастрикова [1], Т. И. Вендиной [2], С. Г. Воркачева [3], В. В. Колесова [4], Б. А. Ларина [5], Ю. С. Степанова [6] и др.

М. Ф. Мурьянов описывает семантику слов *вера, надежда, любовь* в славянских переводах греческого церковного текста [7, с. 349–367]. О. В. Герасимович устанавливает особенности лексикографической интерпретации слов *вера, надежда, любовь*; обосновывает правомерность квалификации триады «вера, надежда, любовь» как формулы, характеризующейся иконичностью языковой структуры; выделяет общее и особенное в представлении носителей разных восточнославянских языков о высших нравственных идеалах [8]. Понятие «любовь» изучалось в концептуальном, сопоставительном, лексико-семантическом и лингвокультурологическом аспектах.

Понятие «любовь» было также предметом исследования философов, психологов, биологов, культурологов, социологов. Среди наиболее значимых, на наш взгляд, работ отметим «Пир» Платона [9], «Смысл любви» В. С. Соловьева [10], «Столп и утверждение истины» П. А. Флоренского [11], «Любовь» К. С. Льюиса [12], «Искусство любить» Э. Фромма [13], «Работа любви» Г. С. Померанца [14].

Современное сознание воспринимает любовь как жизненную ценность, объединяющую в себе биологический, социальный, этический, эстетический культурные смыслы. Болгарский психолог С. Василев определяет любовь как «сложное биологическое и социальное, материальное и идеальное, разумное и безрассудное, желаемое и нежеланное, созидательное и разрушительное, эмоциональное и интеллектуальное, нравственное, психологическое, эстетическое и прагматическое влечение мужчины к женщине и наоборот, результатом которого являются крайне интенсивные, очень важные, иногда меняющие всю жизнь человека, переживания и поступки» [15, с. 66]. К. Хорни считает, что понятие «любовь» служит общим знаменателем для многих «всевозможных положительных чувств, будь то симпатия, нежность, дружеское расположение, благодарность, сексуальная любовь или чувство, что в тебе нуждаются и ценят тебя» [16, с. 196].

В гуманитарном знании прослеживается эволюция в понимании любви, проявляющаяся в усложнении культурных смыслов любви: от выражения жизненно важных потребностей – к содействию самореализации личности. В действительной любви «высшего уровня культурности» преимущественной ценностью является не сама любовь, а другой человек. Э. Фромм пишет: «Есть только одна страсть, которая удовлетворяет потребность человека в его единстве с миром и в обретении при этом чувства целостности и индивидуальности, и это – любовь. Любовь – единство с кем-то или чем-то вне самого себя при условии сохранения отделенности и целостности собственного Я. Именно переживание общности, причастности позволяет полностью раскрыться собственной внутренней активности...» [13, с. 21]. Итак, любовь – это действие, а не пассивный аффект.

«Любовь возможна, только если общение двух людей исходит из самой сердцевины их существования и, следовательно, если каждый из них воспринимает себя из сердцевины своего существования. Только в этом «центральном» сущностном опыте и содержится человеческая реальность, только в нем жизнь и основа любви. Опыт такой любви – это постоянный вызов, она не отдохновение, но совместное движение, рост и труд. Не важно даже, отмечен этот союз гармонией или конфликтами, радостью или печалью, – это вторично по отношению к основополагающему факту, что двое ощущают собственную сущность, что вдвоем они одно целое, ибо каждый из них целостен и не бежит от самого себя. Есть лишь одно доказательство присутствия любви: глубина взаимоотношений, сила и жизненность каждого из участников; именно по этим ее плодам и узнается любовь» [13, с. 177].

Поддерживая приведенную выше гуманистическую интерпретацию ключевого понятия культуры, опираясь на высказанное в разное время выдающимися лингвистами В. фон Гумбольдтом, А. А. Потебней, Н. И. Толстым, А. Вежбицкой отношение к языковому знаку как к определенному взгляду на мир, объектом исследования мы избрали именно глагол *любить*, а не соответствующее имя. Представляется верным, что концептуальная семантика обусловлена глубинной семантикой базового корня. Семантическая реконструкция позволяет проследить путь воплощения потенциальных сем в составе архисемемы, направления семантического развития слова и движения мысли, явленной в слове.

В разветвленной семантической структуре глагола *любить* доминирующим является обозначение чувства: ‘чувствовать глубокую привязанность к кому–, чему-либо, быть преданным кому–, чему-либо’; ‘чувствовать сердечную склонность к лицу другого пола’; ‘чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-либо’ с оттенками значения ‘испытывать удовольствие от созерцания, ощущения чего-либо’, ‘иметь пристрастие к чему-либо, отдавать предпочтение чему-либо’, ‘быть довольным чем-либо, чувствовать удовольствие, удовлетворение от чего-либо’; ‘нуждаться в каких-либо условиях как наиболее благоприятных (о животных, растениях)’ [17, с. 208–209]. Ю. С. Степанов считает, что семантика современного глагола отображает «модель круговорота общения», поскольку семантика глагола предполагает, что субъект и объект могут одновременно или поочередно замещать семантические позиции друг друга. Эта архаическая особенность семантики современного слова сохраняется страдательным причастием *любимый*, в функции прилагательного имеющим значение ‘внушающий чувство любви, пользующийся любовью’, ‘предпочитаемый всем остальным’, при субстантивации – ‘тот (та), кого любят; возлюбленный, возлюбленная’ [17, с. 208]. Аналогичное совмещение состояния субъекта и объекта проявляется латинским причастием действительного залога *amans* ‘любящий, расположенный, преданный, приверженный’; ‘любезный, ласковый’; ‘возлюбленный, возлюбленная’. Таким образом, русское причастие *любимый* «сохраняет свое исконное – не пассивное, а медиальное значение, т.е. значение действия, совершающегося ”для себя” или ”внутри себя”» [6, с. 419].

Ю. С. Степанов полагает, что современный глагол *любить* вобрал в себя исторические значения трех глаголов, реализующих трехфазовую модель: *любити* ‘вызывать в ком-то или в чем-то соответствующее действие, заставлять кого-то или что-то делать это’, **льбнути(ся)* ‘впасть, погрузиться в состояние любви, желания чего-то’, **льбѣти // *любѣти* ‘пребывать в состоянии любви, влечения к кому-либо или чему-либо’. Современными эквивалентами

названных глаголов, отображающих отдельные стадии приведенной семантической модели, будут следующие: *влюбить* – *влюбиться* – *любить* [6, с. 418–419]. Внутренняя форма производных глаголов очевидна: *в-любить* ‘вызвать соответствующее состояние’, *в-влюбиться* ‘пребывать в соответствующем состоянии, влюбить себя в кого-то’. Синонимичный глагол *нравиться* ‘производить на кого-либо хорошее, приятное впечатление, вызывать расположение к себе’ с оттенком значения ‘вызывать интерес, влечение у лиц другого пола’; ‘соответствовать чьему-либо вкусу, быть приятным кому-либо’ [17, с. 513] тоже сохраняет генетическую прозрачность своей структуры и семантическое единство адресата и адресанта: *нравиться* – ‘быть по нраву’ с постфиксом, свидетельствующим о направленности на субъект. Этот признак проецируемого подобия свойствен глаголу *нра-виться* и английскому эквиваленту *to like*, семантическая история которых подробно описана Ю. С. Степановым [6, с. 421–424].

Но поиск этимона глагола *любить* по-прежнему вызывает затруднение. Казалось бы, каузативный глагол должен мотивироваться соответствующим именем, «однако слав. **l’ubiti*, имея все внешние приметы каузатива, лишен каузативного значения и обладает переходным значением отличного характера, что позволяет этимологам видеть в славянском глаголе продолжение более длительных, древних отношений; не случайно **l’ubiti* также вполне допускает реконструкцию и.-е. глагольной темы **leubhei-*. Самостоятельность **l’ubiti* в том, что касается семантики и грамматики, не даёт возможности согласиться с распространённым мнением о прямой производности его от слав. **l’ubъ*; они оба продолжают ещё и.-е. отношения» [18, с.176]. По этой причине поддерживаем мнение Ю. С. Степанова, считавшего, что суть концепта «любовь» выражается не глаголом, а именем: др.-рус. *любы*, *любо* ‘любовь’, *любъ* ‘милый’, *любо* ‘мило, хорошо’ [6, с. 420], – и допускаем, что концептуальная семантика глагола обусловлена его этимологией.

О. В. Герасимович, проанализировав большой лексикографический материал, предполагает, что в качестве первоначального значения корня могло выступать значение ‘давать обет, обещать’; приводит родственные славянские: польск. *slub* ‘обет, клятвенное обещание, клятва, зарок’, ‘брак, бракосочетание’, *slubowac* ‘клясться, присягать, давать обет, зарок’ и др.; делает вывод о трансформации указанного выше значения «в ‘мир, согласие, мирный договор’, что является вполне семантически закономерным, так как согласуется с древними представлениями о необходимости давать обет в знак согласия заключить договор о мире». Материальным подтверждением обещания мира мог быть поцелуй, что отображает семантика болг. *любя* ‘любить; быть влюбленным; целовать’, сербохорв. *lubiti* ‘любить; целовать; желать, вожделеть’ [8, с. 122–123]. Эта идея представляется верной для *илуб*, однако семантические изменения могли быть обусловлены семным составом архаичных семем. Тогда актуализация общих сем слабости, мягкости и производной согласия способствовала бы развитию близкой семантики лексем *любы* и *миръ*, объясняла бы столь устойчивую древнюю синонимию родственных им *любъ* и *миль*. Учитывая значимость идеи целостности для архаического мировосприятия, вторичная семантика целования могла бы развиваться на основе идеи связи, единства, поскольку поцелуй и являлся конкретным материальным воплощением Целого, вспомним, к примеру, старослав. *цѣловати* ‘приветствовать’. Таким образом вся приведенная выше семантика может быть производной.

Возможно, в основе исходного значения корня **leub-* была сема огня, света. Это подтверждается, правда, косвенно, семантикой жадности, желания, свойственной др.-инд. *lobháyati* ‘вызывать, возбуждать желание’, *lábhyati* ‘желать’ [18, с.176], *lobha* ‘жадность, алчность’; ‘желание’; ‘стремление к чему-либо’ [19], лат. *lūbet*, *libet* ‘хочется, желательное, угодно’, *lūbīdō* / *libīdō* ‘желание, влечение, стремление’; ‘страсть, сладострастие’; ‘прихоть, произвол’. Эта семантика соотносится не только с и.-е. **leubheiō* ‘любить, страстно желать’, но и значениями родственных *улыбаться*, *лыбиться* с этимологической семантикой света. Наличие архаичных сем света, огня и желания, любви содействует устойчивости и распространённости метафорического образа. Приведем лишь несколько примеров: *Любовь есть точно огонь, и где он в двух горит, Превыше силы всей он действие явит* (Ф. Дмитриев-Мамонов); *Желаний огонь во грудь ее вдохнув* (А. Пушкин); *Огонь любви, огонь живительный* (Е. Баратынский); *Любовь,*

как огонь, – без пищи гаснет (М. Лермонтов); *И от огня любви житейское страданье Уносится, как мимолетный дым* (В. Соловьев); *Моя любовь горит огнем порой* (А. Блок); *Любовь есть свет всего, что живо* (Ф. Ключарев); *В жизни краткой и печальной Светит только безначальный, Непорочный свет любви* (И. Бунин) [20, с. 537–539]. Метафоры света, огня желаний и любви вполне могут быть генетически обусловленными.

Тот же образ был исходным для глагола *жалеть*, распространенного в народной речи для обозначения эмоциональной привязанности, предпочтения, сострадания, заботы. В. И. Даль приводит среди синонимов *болеть сердцем*. Это выражение очень точно передает физическое ощущение и душевное переживание. Родственный *жалить и желать*, глагол *жалеть* сохраняет в составе семемы исходную сему огня, что делает возможным формирование производных обозначений теплого чувства. В то же время этот глагол в предложенной Ю. С. Степановым трехфазисной модели занимает последнюю позицию, то есть является обозначением состояния пребывания в любви. Именно эта семантическая позиция актуализируется в противопоставлении любви жалости, отношения \ – чувству.

Действительно, в отличие от глагола *жалеть* глагол *любить* не был первоначально обозначением чувства. В словаре И. И. Срезневского доминирующее значение определяется просто: ‘любить, αγαρε’. Это значение иллюстрируется примерами христианской книжности: *Любите враги ваши, благословите клянущ\ вы; Любляше же Иис Марфу и сестру е\ и Лазаря* (Остр. Ев.); *Любляше же я оць вид\ на нею блгдть Божию* (Нест. Бор. Гл.); *Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти* (Поуч. Влад. Мон.); *Кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните* (Новг.). Периферийные значения древнерусского периода связаны метонимически: ‘предпочитать, иметь склонность’: *Пустыню любить; Не суди суд\щимъ..., не люби расуждати достоинства очищающихъ т* (Гр. Наз.); ‘любоваться’: *Посълаша ему мечь и ино оружье, и принесоша к нему; онъ же примъ, нача хвалити и любити, и целова цр* (Пов. вр. л.); ‘целовать’: *Люб\ще тѣло свтго* (Златостр.).

Таким образом, семантика глагола *любить* древнерусского периода передает скорее отношение, а не чувство, что соответствует пониманию агапической любви. Это подтверждают и содержащиеся в словаре ссылки на греческий оригинал. Вторичная семантика развивается на основе признака предпочтения, в результате чего закономерно формируется обозначение чувства, страстного желания, эмоциональной привязанности. К 19 в. для семантики русского глагола *любить* характерен полный набор «чувственных» сем. Кроме того, значительно расширяется количество производных с корнем *люб-*, что говорит о важности этой группы лексики для русского сознания. В качестве доказательства приведем фактический материал, извлеченный из словаря В. И. Даля: *любить* ‘чувствовать любовь, сильную к кому привязанность, начиная от склонности до страсти; сильное желанье, хотенье; избранье и предпочтенье кого или чего по воле, волею (не рассудком), иногда и вовсе безотчетно и безрассудно’: *Парень любит девку*; ‘говор. о страсти половой’; *и она любит* ‘влюблена’; *Родители любят детей своих* ‘желают им добра, болеют за них сердцем’; *Тошно тому, кто любит кого; а тошнее того, кто не любит никого; Любить себя – любить друга* и др. Значения основного глагола и многочисленных производных с соответствующим корнем подтверждают семантическую эволюцию от обозначения отношения к обозначению чувства.

В таком случае путь семантического развития корня мог быть следующим: ‘свет, огонь’ > ‘желание, стремление, воля’ > ‘предпочтение’ > ‘выбор’. Если семы стремления, предпочтения легко обнаруживаются в семантике современного глагола, то сема выбора проясняется в родственных языковых единицах: разделительном союзе *любо, либо* или местоимении *любой* ‘каждый’; ‘какой угодно’. Можно вспомнить и лат. *liber* ‘свободный’.

Формирование семантики глагола *любить* нельзя рассматривать вне христианской книжности. Именно этим глаголом передается в текстах понятие «ἀγάπη» – деятельной, братской любви, ориентированной на благо ближнего: *вълюби ближняго своего яко и самъ с*. Ф. И. Буслаев обратил внимание, что «некоторые исследователи греческой культуры переводят слово *агапе* как *оказывать любовь*, подчеркивая таким образом, что *агапе* обозначает не столько чувства, (хотя это и немаловажно), но и процесс проявления этих чувств по отношению к окружающим людям <...> Любовь понимаем мы в смысле чувства свободного, подлежащего вольному избранию» [21].

Таким образом, концептуальная семантика глагола *любить* определяется глубинной семантикой базового корня. Любовь основана на свободе выбора, она формируется как способность и потребность отношений принятия себя, другого и мира. Это свет, направленный изнутри наружу; это связь, не имеющая иной цели, кроме самое себя; это сила – «не высшая сила, нисходящая на человека, и не возложенный на него долг: это его собственная сила, благодаря которой он роднится с миром и делает мир по-настоящему своим» [22, с. 24].

Литература

1. Бастриков, А. В. Изменение значений слов с морально-этической семантикой в русском литературном языке XVIII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Бастриков / Ленинград. гос. ун-т. – Л., 1989. – 17 с.
2. Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М. : Индрик, 2002. – 336 с.
3. Воркачев, С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003 : Современная антология. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 189–208.
4. Колесов, В. В. Слово и дело : из истории русских слов / В. В. Колесов. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 702 с.
5. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание : избр. работы: учеб. пособие для фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов / Б. А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. – 224 с.
6. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры : опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – 824 с.
7. Мурьянов, М. Ф. История книжной культуры России: очерки : в 2 ч. / М. Ф. Мурьянов; Рос. гос. б-ка. – СПб. : Мирь, 2007. – Ч. 1. – 620 с.
8. Герасимович, О. В. Семантическая история аксиологических номинаций *вера, надежда, любовь* в русском языке (на восточнославянском фоне) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02; 10.02.03 / О. В. Герасимович. – Мн., 2010. – 213 с.
9. Платон, Пир / Платон // Мир и Эрос : Антология философских текстов о любви / Сост. Р. Г. Подольный. – М., 1991. – С. 10–30.
10. Соловьев, В. С. Смысл любви / В. С. Соловьев // Философия искусства и литературная критика. – М. : Искусство, 1991. – С. 99–160.
11. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский; Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М. : Правда, 1990. – 490 с.
12. Льюис, К. С. Любовь / К. С. Льюис // Вопросы философии. – 1989. – №8. – С. 107–149.
13. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм; пер с англ.; под ред. Д. А. Леонтьева. – 2-е изд. – СПб. : Азбука классики, 2004. – 224 с.
14. Померанц, Г. Работа любви / Г. Померанц // Г. Померанц, З. Миркина, В тени Вавилонской башни. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 5–220.
15. Василев, С. В. Психология любви / С. В. Василев. – М. : Интерпринт, 1992. – С. 66.
16. Хорни, К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию / К. Хорни; пер. с англ. Е. И. Замфир; под ред. проф. М. М. Решетникова. – СПб. : совместное издание Восточно-Европейского Института психоанализа и БСК, 1997. – 316 с.
17. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. 2. К-О. – 1986. – 756 с.
18. Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / отв. ред. О. Н. Трубачев. – Вып. 15 (**letina* – **lokačь*). – М. : Наука, 1988. – 264 с.
19. Кочергина, В. А. Санскритско-русский словарь / В. А. Кочергина [Электронный ресурс]. – М. : Русский язык, 1987. – 836 с. – Режим доступа: <http://log-in.ru/books/sanskritsko-russkiiy-slovar-kochergina-v-a-slovari/>. – Дата доступа: 15.05.2013.
20. Павлович, Н. В. Словарь поэтических образов : на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков : в 2 т. / Н. В. Павлович. – М. : Эдиториал УРСС, 2007. – Т. 1. – 848 с.
21. Буслаев, Ф. И. О преподавании отечественного языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Издание братьев Салаевых, 1867. – 477 с.
22. Фромм, Эрих. Человек для себя / Э. Фромм. – М. : АСТ; Мн. : Харвест, 2006. – 352 с.